

СКЫРБА СВЯТОГО С КРАСНОЙ ВЕРЕВКОЙ

ПРОЛЕГОМЕНА
К «ТРАКТАТУ
О СОПРОТИВЛЕНИИ
МАТЕРИАЛОВ»,
СОДЕРЖАЩАЯ СВЕДЕНИЯ
О РОЖДЕНИИ,
ЖИЗНИ И СМЕРТИ
СВЯТОГО ТАУША

А ИМЕННО
ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОТ ГАЙСТЕРШТАТА
ДО МАНДРАГОРЫ:
ЧТО ОН ДЕЛАЛ, ЧТО ГОВОРИЛ,
ЧТО ВИДЕЛ
И ЧТО ЧУВСТВОВАЛ
МЕЖДУ МИРОМ И НЕ'МИРОМ

ПОВЕДАЛ СКЕЛЕТ
БАРТОЛОМЕУС
КОСТЯНОЙ КУЛАК

ЗАПИСАЛ
ФЛАВИУС АРДЕЛЯН

*Эта история о дружбе
посвящается Алексу Мюнцу*

Кто может назвать мертвым того, чьи слова все
еще вынуждают нас умолкнуть и чьи чувства по-
прежнему движут нами?

Клайв Баркер. Сотканный мир

Пасмурным зимним утром, где-то по дороге между Каркарой и Тодесбахом, простенькая кибитка пересекала надвое заснеженное поле. Путь, проложенный в давние времена до Адоры и Вислы, идущий через Альрауну и Изворул-Бабей, дремал, притаившись под снегом, и лишь тот, кто уже бывал в здешних местах, знал, куда надо поворачивать и что лежит в каждой из сторон света — потому нередко случалось так, что тут или там какой-нибудь усталый пилигрим останавливался, потеряв ориентиры, и ждал, не покажется ли путешественник, едущий верхом, а то и, если удача смилостивится, ведущий в поводу еще одну лошадь, чтобы можно было поскорей убраться с этого поля.

Так уж вышло, что удача нашего путника приоткрылась и задержалась поблизости, чтобы отдохнуть: увидел он издалека кибитку и фигуру в длинном сером одеянии, восседающую на дощатом передке с поводьями в руках, правящую исхудалой клячей, которую годы не пощадили. Подъехав к путнику, возница остановил повозку

и взмахнул костяной рукой — поприветствовал собрата по странствиям.

— Куда? — спросил он.

— В Альрауну,— тотчас же был ответ.

— А-а, Альрауна. Я как раз туда и направляюсь, дорогой путник,— проговорил возница и лишенными плоти пальцами указал на кучу ветоши и всякого тряпья у себя за спиной, где что-то было спрятано.— В тех стенах мне предстоит вернуть один тяжкий долг.

— Подвезешь? — спросил путник.

— А как иначе, дружище, как иначе?

Останься на черепе, что виднелся под капюшоном, хоть клочок кожи, эта кожа собралась бы складками, изображая улыбку.

— И сколько ты с меня возьмешь, славный возница? — спросил путник, в ответ на что скелет заявил, дескать, не время и не место для таких разговоров, лучше побыстрее забираться в кибитку, пока поле напрочь не засыпало снегом, а о плате можно поговорить и по дороге к стенам Альрауны.

— Смотри, возница, не обмани меня — не ровен час, запросишь больше, чем я могу дать.

Скелет заверил путника, что никогда не просит больше, чем человек может отдать, и вообще — его плата по силам любому.

— На дорогу уйдет пять дней, считая время на отдых и сон,— прибавил скелет,— только ты учти, дорогой путник, что я по натуре рассказчик, и мне нравится коротать долгий путь, повествуя

байки выдуманные и байки правдивые, а моя выдумка может быть чьей-то правдой или наоборот, так что, коли запутаешься, кто есть кто и о чем вообще речь, не пугайся — это всего лишь правдивая выдумка и выдуманная правда.

— Толика баек еще никому ни разу не навредила,— сказал путник и услышал, как скелет клацает зубами, торчащими из голых челюстей,— не от холода, а, судя по всему, от смеха. Путник замолчал и вознамерился слушать.

Забравшись на передок кибитки, на место подле скелета, он бросил взгляд назад, пытаясь по очертаниям догадаться, что скрывается под кучей тряпья. Не догадавшись, спросил:

— Что ты везешь братьям в Альрауне?

Но на это скелет ответил, дескать, не твое дело, дорогой пилигрим.

— Скверно смотреть назад,— прибавил он.— Ничего там нет хорошего. Лучше устреми взгляд свой зоркий — ох, прости, я только сейчас заметил, что у тебя только один глаз,— на дорогу, да навести уши, ибо я поведаю тебе самую примечательную историю из всех, какие случались в этих краях.

— Это какую, возница? — спросил одноглазый.

— Я расскажу тебе про Альрауну, которая раньше звалась Мандрагорой¹, чтобы ты извещал историю города, прежде чем подъедешь к его

¹ *Альраун* — существо, обитающее в корнях растения мандрагора, согласно поверью, бытовавшему в Средневековой Европе.— В этой части здесь и далее прим. пер.

воротам; расскажу, как воздвигли ее неустанным трудом потомки мэтрэгуны¹, а еще расскажу про Святого Тауша, защитника Мандрагоры — как он родился, рос и как отправился в Мир, воздвигать города, и, смею предположить, еще до того, как покажутся вдали городские стены, познаешь ты историю тайную и зримую как самой Мандрагоры, так и ее святого. Но не забывай, драгоценный мой путник: что одному выдумка, то другому — правда, и наоборот, так что коли запутаешься, кто есть кто и о чем вообще речь, не пугайся, ведь это всего лишь выдумка, то бишь самая правдивая правда.

— А как же плата? — опять осведомился путник и услышал в ответ:

— Плату обсудим вечером, у костра, как нагрянет ночь. А до той поры молчи и слушай, что я тебе расскажу.

¹ *Мэтрэгуна (mätrăguņa)* — в строгом смысле слова, румынское название белладонны (красавки). Однако исторически сложилось так, что оно используется в народе как синоним все той же мандрагоры, косвенным подтверждением чему может служить книга известного румынского историка и писателя Мирчи Элиаде «Zalmoxis, The Vanishing God» («Залмоксис, исчезающий бог»), изданная на английском языке: одна из ее глав именуется «Культ мандрагоры в Румынии», в то время как в стихах, приведенных параллельно на румынском и английском, встречается именно «мэтрэгуна». О причине путаницы с названиями двух растений нет единого мнения — возможно, дело всего лишь в том, что они по-румынски звучат похоже и оба имеют непосредственное отношение к магическим обрядам. Тем не менее, культовый статус имеет только мандрагора, она же — в этой книге — мэтрэгуна.

— Слушаю, возница, слушаю, только скажи мне вот о чем, чтобы я ведал: откуда тебе известно про жизнь и смерть Тауша и про эту его Мандрагору?

— Мне все это известно, потому что имя мое — Бартоломеус Костяной Кулак, славен я как грозный рассказчик и все видел сам. А теперь — слушай!

И вот так начал скелет свое повествование...

Часть первая

В которой предполагается...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой мы узнаем о том, как Тауш появился на свет в Крепости Духов и как все указывало на то, что быть ему знаменитым человеком; а еще — о трех знаменьях, что сопровождали его рождение

Тауш родился в городе под названием Гайстерштат, и вошел он в Мир в то самое мгновение, которое появляется между днем и ночью и немедленно исчезает — вот ты его видишь, чуешь, а вот оно взяло и сгнуло, — и прояви матушка хоть малую толику небрежности, она бы потеряла свое дитя, выскочило бы оно у ней меж бедер наружу и завершилась бы наша история еще до начала — раз, и все. Но повитухи, бабки древние и мудрые, знали, как надо держать младенца и какие слова следует нашептать, чтобы прогнать окружившую его пустоту. Так что мгновение минуло, а Тауш остался.

Ох и рады были его мать и отец, ибо, видишь ли, оказался он их первым ребенком, и ему суждено было остаться единственным, а когда они узнали от повитух, что маленький Тауш родился в шапочке, то есть сделается известным человеком, да не в одном лишь Гайстерштате,